

несколько лет тому назад Моммзен на обостренные отношения между немцами и чехами в Венском парламенте. И в последний год своей жизни, несколько месяцев тому назад, выступил он с примирительным словом между Германией и Англией.

Так хватало сил и чувств этого великого человека и на внимание к текущей действительности, сознательным и полноправным членом которой он себя чувствовал. Но не политика дала славу Моммзену, и когда мы теперь, по его смерти, вызываем пред нашим умственным взором его образ, он восстает пред нами в грандиозном величии автора огромного ученого наследия, которое он оставил миру, как плод своей неустанной работы, своего таланта... Закончу словами Тацита: *Si quis piorum manibus locus, si, ut sapientibus placet, una cum corpore extinguuntur magnae animae, placide quiescas, nosque... ab intimo desiderio... ad contemplationem virtutum tuarum voces, quos neque lugeri neque plangi fas est. Admiratione te potius quam temporalibus laudibus... decoremus. Is verus honos...*

Юлиан Кулаковский

© 2004 г.

О МОММЗЕНЕ*

Ю. Кулаковский. Памяти Моммзена. Киев, 1904

Русский ученик возлагает венок на гроб Моммзена... Красивый очерк исполнен сердечной теплоты и благоговенья к великой тени, естественных в том, кто сам, как говорят немцы, «сидел у ног» гениального учителя. Автор дает несколько биографических черт и личных воспоминаний; но главную цель ставит себе – растолковать задачи и значение гигантской ученой деятельности чудотворного историка – юриста – филолога. Ибо Моммзен (как признавал он сам в одном из своих циркулярных благодарственных заявлений, обращенных к его почитателям) был деятелем того освободительного движения в современной науке, которое ищет разрушить искусственные перегородки факультетов.

С особенною обстоятельностью г. Кулаковский говорит о Моммзене как о творце монументального собрания латинских надписей, как об основателе современной эпиграфической дисциплины и эпиграфического метода. Наиболее знакомый большинству, Моммзен-историк также с любовью охарактеризован составителем очерка. Бледнее изображение Моммзена-юриста, и кажется, что автор колеблется в установлении точки зрения на «*Römisches Staatsrecht*» – книгу, которая должна быть, однако, признана величайшим творением этого ума, равно дивного по силе анализа и синтеза. Подобно тому как Кант редко бывает постигаем в своей двойственной целостности, как критик «чистого» и «практического разума» вместе, – так многим (сошлемся, например, на полемики проф. Гримма в Петербурге) как бы противоречием в Моммзене представляется, при его глубочайшем проникновении в исторически конкретное, эта попытка отвлечения правовой идеи, в ее логическом развитии, из нестройной и внутренне нецельной исторической действительности. Но что может оказаться опасным при исследовании других исторических организмов, – было необходимо в отношении к римскому: римляне не могли принять действительность в иной схеме, чем та, которую вскрывает юрист-Моммзен; он научил мыслить о Риме по-римски, – и римские формы стали впервые мыслимы. Он был настолько юрист, что не мог обходиться без дедукций; эмпирическому изучению древности он дал тем как бы математическую ос-

* Весы. Научно-литературный и критико-библиографический ежемесячник. Первый год издания. 1904. № 11. С. 46–48.

нову. Поразительна острая меткость, с которою он схватывает глубочайшее существо, зерно-понятие изучаемого явления, чтобы с крайнею энергией логического процесса развить затем из него необходимые следствия, надежные опоры дальнейшего анализа. Таков Моммзен в своем «Государственном праве», таков был он и в кругу своих учеников, когда сразу ослеплял автора студенческого исследования внезапным разоблачением жизненного нерва затронутой темы, с открытием которого вся задача вставала непредвиденной и новой. Быстроокий синтетик упреждал в Моммзене зоркого аналитика; и энергия того и другого была такова, что обусловила физиономические черты писателя и человека.

Крупный мастер стиля, Моммзен писал периодами; ибо только в периоде, с его внутреннею координацией и субординацией, могли сочетаться в необходимом взаимодействии синтез и анализ. Период Моммзена – не период внешней соразмерности и согласия: это живой механизм мышц и жил, пластика борьбы, охвата и преодоления. Нам непонятно, как г. Кулаковский мог находить его беседу мало оживленною: какие искры поминутно тревожили острые глаза подвижного старика, какие молнии мыслительного одушевления бороздили его вообще спокойную речь, поверит и не видевший его, – *le style, c'est l'homme*. Нам казалось, что на нем воочию можно наблюдать холеризм гения. Волевою избыток мыслительной энергии, привычка доводить мысль до ее последней остроты, привычка глядеть на все с высоты исторического трибунала (он был в своем мире поистине государственный человек, как он был и римский стратег-техник) – увлекали его в его политических суждениях до тех крайностей, каких не могут простить ему, например, славяне. Но он знал, что немцы и славянство – враги не на жизнь, а на смерть; он был одним из энтузиастов того национализма, который был в его время время освободительной силой; он разделял догмат времени о государстве как высшей цели народных культур. И его темперамент был тот бес, что нашептывал ему злые выходки и едкие остроты вроде знаменитой и озорной о Наполеоне III, его гостеприимце и почитателе, в «*la Perseveranza*» – будто вторая империя хотела подчинить полсвета господству полусвета. И – *last not least* – он был поэт, т.е. существо, которому с тою же легкостью прощают излишнюю возбудимость, с какою приписывают известную невменяемость. Он не только любил выступать переводчиком стихотворцев, но в молодые годы, в годы странствий по Италии, был и самостоятельным лириком: большая часть стихотворений в незабвенной книжке «*Liederbuch dreier Freunde*» – написана им. Задолго до Вагнера он умел подслушать в природе мелодии, –

Dem Liede gleich von Tristan und Isolde.

Очень желательно издание всех его многочисленных ненаучных работ. Из наших личных воспоминаний (он любил беседовать с своими студентами и угощать их в своей «тесной» вилле) нам приходит почему-то на мысль его меланхолическое предчувствие наступающего варварства: этому гуманисту казалось порой, что начатая его поколением культурная работа не найдет продолжателей, что поднятые памятники древности снова будут подавлены долгою ночью...

Вячеслав Иванов